

текст

Юлия Козлова

Московский городской педагогический университет

text

Yulia Kozlova

Moscow City University

Исследование выполнено в рамках проекта «Дискурсивные трансформации современного города: координаты российской урбанистики», поддержанного грантом РНФ № 23-18-00288, <https://rscf.ru/project/23-18-00288/>.

Acknowledgments:

The research was supported by the Russian Science Foundation (Grant No. 23-18-00288 Discursive Transformations of the Modern City: Coordinates of Russian Urban Studies: <https://rscf.ru/project/23-18-00288/>).

Текст города описывается как социально-пространственный конструкт, объединяющий и дифференцирующий смысловые спектры и блоки. Городской дискурс полисемантичен и полимодален по содержанию, структуре и функциям. Это побуждает автора ввести понятие политекста города, подчеркивая политекстуальность в конфигурациях индивидуального и социального, культурно-исторического и ситуативного, ценностного и прагматического. Показано, что формирование социальной субъектности (и полисубъектности) в дискурсе города, ее нормативно-регулятивная и интерпретативная специфика во многом обуславливаются содержанием и структурой политекста города.

Ключевые слова: город-текст; политекст; семиосфера города; гений места; дискурс. /

The text of the city is described as a socio-spatial construct that unites and differentiates semantic spectra and blocks. Urban discourse is polysemantic and polymodal in its content, structure and functions, which prompts the author to introduce the concept of the multitextual city, emphasizing the role of polycontextuality in the configurations of individual and social, cultural-historical and situational, value and pragmatic. It is shown that the formation of social subjectivity (and polysubjectivity) in the discourse of the city, its regulatory and interpretative specifics are largely determined by the content and structure of the city's multitextuality.

Keywords: city-text; multitextual city; semiosphere of the city; genius loci; discourse.

Политекст города: субъектность и интерпретации / The Multitextual City: Subjectivity and interpretations

Семиосфера города как текст и политекст

Знаковые системы, функционирующие в полях социальных взаимодействий, традиционно исследуются в координатах, где первая шкала – знаки и знаковые конфигурации в качестве заместителей объекта, а вторая – конструирование и эксплуатация знаков в коммуникации. В широком понимании вся культура является универсальной динамичной знаковой системой, продуцирующей тексты, документы из высказываний, которые имеют общую модальность и прагматическую направленность. Дискурсивное пространство города-текста можно рассматривать в форме методологической модели – когнитивно-коммуникативной системы координат городского дискурса [1].

Коммуникации в дискурсе города – это не просто взаимодействие в урбанистических декорациях, а скорее, алгоритм, код, при помощи которого город мультиплицируется и воспроизводит себя в социальном слое своего существования. Этот же алгоритм является когнитивной константой, имеет свою эмоциональную темпоральность и в итоге выстраивает вокруг себя социальные практики. Город, «мыслимый» горожанами обобщенно-образно и обобщенно-схематично, в совокупности значимых признаков формирует, с одной стороны, урбанизированное миропонимание и мироотношение, с другой – урбанистическую форму социальных коммуникаций и взаимовосприятия. Так, уже в монографии Дж. Дункана «Город как текст: политика интерпретации ландшафта в королевстве Канди», где было впервые предложено понимание города как текста, показано, что ландшафты не только создаются культурой, но и являются проводниками идей, ценностей и в итоге сами формируют социокультурное пространство [2].

Применительно к тексту города цель исследования можно, вслед за У. Эко, сформулировать как объяснение того, «что мы видим, тем, что нам не видно, но благодаря чему мы улавливаем сходство между предметом и его изображением» [3, с. 177]. Следовательно, одна из принципиальных функций семиотики применительно к изучению урбанистических процессов – «по возможности рассматривать природные факты в качестве явлений

культуры, а не наоборот – сводить явления культуры к природным феноменам» [3, с. 207].

В самом понятии «текст» заложен атрибут связности и последовательности (лат. *textura* – ткань, *textum* – одежда), благодаря которому и становится возможен переход от линейного непосредственно-действенного уровня к образному. «Мыслить город» – значит постоянно «пересобирать» его из элементов первичного (собственного) и опосредованного (полученного от других) опыта.

Социальные практики в последние десятилетия все больше ориентированы на возможности городского текста. Создаются базы знаний «города-справочника» для приезжих и туристов, «города-учебника» как содержательной основы образовательных программ. Речь идет как об отборе и тестировании содержательных компонентов образования, так и о моделировании новых городских пространств.

Для интегрированного, адаптированного жителя язык города доступен, он отвечает жизненным запросам (здесь речь идет о социально-психологической субъектности), город может интерпретироваться как «кодекс», система требований и запретов, как «плакат», призывающий к мысленным и практическим действиям, или как «лаборатория», в которой возникают и апробируются социальные действия и формы взаимодействия. Многие города являются в значительной степени «художественными текстами», их объекты имеют культурно-историческую ценность или же интегрированы в произведения литературы, живописи. Индивидуальные и совокупные социальные субъекты применяют речевые средства для обозначения своего статуса, отграничения от других субъектов, чем вызвано многообразие речевых форм и контекстов применения языка.

Функциональная полимодальность знаковой системы города проявляется, помимо прочего, и в комбинации визуальной, кинестетической и абстрактно-мыслительной форм субъективного отражения элементов городской среды. Так, масштабность сооружения при минимальной детализации, свойственная эпохе модерна, может вызывать кинестетический эффект пустоты и интерпретироваться как тревога. В то время как, например, пространство, спроектированное средствами компьютерных

а

б

< Рис. 1. Перенос визуального знака в новый контекст:
а) памятник Минину и Пожарскому в Москве;
б) К. Маковский. Воззвание Минина. Нижегородский государственный художественный музей

алгоритмов, может быть прочитано как ловушка, экспериментальный лабиринт. Визуальное восприятие тесно связано, с одной стороны, с двигательными схемами, а с другой – с мыслительными действиями. Континуум города по отношению к воспринимающему субъекту в каждый момент времени представлен перцептивным (распознающим) актом и мыслительным (обобщающе-интерпретирующим) действием.

Объектная сфера текста города

Номинально эту сферу можно определить как пространственно-организованные вещные объекты городского ареала – здания, жилые комплексы, рукотворные функциональные ландшафты, предприятия, инженерные системы снабжения, транспортные структуры и дорожные сети, а также природные и рукотворные элементы ландшафта, в том числе имеющие культурную ценность и являющиеся охраняемыми объектами. Однако этим «очевидным» перечнем «вещей города» объектная сфера урбанистического текста не ограничивается. Текст города обретает связность и целостность посредством реальных и виртуальных карт, планов, навигаторов, моделей, своеобразных квазиобъектов, отражающих когнитивную или социальную динамику. Эти конструкты нередко позволяют облегчить распознавание объектов городского пространства. Объектная сфера городского дискурса сама по себе политекстуальна и включает следующие слои:

- инвариантный знаковый слой города (элементы природного ландшафта, дорожная инфраструктура, культурно значимые постройки и памятники, неосвоенные пространства и т. д.);
- потоковый знаковый слой групповой интеракции с городским текстом (нейминг и его применение в СМИ, городские фото- и видеоархивы, интерактивные карты, цифровые представительства городских объектов, реновация и реконструкция городских пространств, перемещение людей, транспортных средств, событийные коммуникации и их освещение в СМИ);
- потоковый знаковый слой индивидуальной интеракции индивидов и групп с городом и городским текстом (знаки, связанные с маршрутами, событиями, значимыми видами активности, символами, ценностями).

В модели города, сконструированной отдельной дисциплиной (будь то инженерные, управленческие или социальные исследования), отражаются его значимые признаки, некая структура, представляющая городское пространство как целостное, системное, связанное и наполненное актуальными смыслами. Объектная подсистема *текста города может трактоваться 1) как уникальный ландшафтно-культурный объект, элементы которого или он в целом имеют культурную ценность, являются уникальными архитектурными творениями; 2) как регулятор внутренней и внешней (поведенческой) активности (разметка, реклама, элементы дизайн-кодирования).*

Текст города, включающий природно-ландшафтные, топонимические, архитектурные, историко-культурные, инфраструктурные знаки, находится в постоянном доступе, он интегрирован в поток обыденных событий жителей города (рис. 1).

Знаковые эталоны, представленные в элементах планировки, в комбинации символических мест, предписывающих свои когнитивные и поведенческие стереотипы, и «не-мест» (пустырей, заброшенных построек и пр.), формируют личное и групповое сознание, определяют коммуникативную активность.

Субъектная сфера текста города

Текст города формируется на протяжении столетий. Но даже те города, история которых коротка, тоже являются системой кодов, которые отражают наличный уровень развития общества, культуры и субкультуры: город производит информацию «в себя» и вовне. В контексте исследования представляет интерес опыт осмысления взаимодействия индивидов и групп с городом и понимание субъектной природы дискурса города. В определенном смысле город реализован в индивидуальных и массовых представлениях. Представления об автострадах, набережных и площадях могут быть неустойчивыми, но в социальном плане более значимыми, чем объективно существующие сооружения.

Ландшафтно-архитектурная среда может также интегрировать значимые локальные ценности и разделяемые эмоциональные состояния, создавать узнаваемую

> Рис. 2. Природный ландшафт как составляющая знаковой системы городского текста:
а) Василеостровская стрелка в Санкт-Петербурге;
б) Нижегородская стрелка

а

б

эмоциональную атмосферу, эффект «духа места», «гения места», который может быть связан в массовом сознании с историческим или мифологическим персонажем.

Субъектная сфера города-текста тоже имеет многоплановое и неоднородное устройство. **Субъекты городского текста** непосредственно в него включены, их внутренняя и внешняя динамика определяется социальными процессами в обществе. Первоначальный и базовый уровень – *индивидуальная субъектность* (каждый из нас является горожанином, обладает локальной идентичностью, поддерживающей сопричастность с местом проживания, локальными ценностями и нормами). Индивид может взаимодействовать с текстом города «в одиночку» или же посредством участия в одном или более сообществах, «прочитывая» его разными способами.

На основе индивидуальной субъектности в социально-значимых ситуациях формируется *групповая субъектность*. Поскольку такие ситуации типичны (общение, обучение, профессиональная деятельность, социальное взаимодействие), коллективным субъектом в тексте города может стать одно поколение жителей, определенная субкультура, жители конкретного района, представители общественных структур, органов самоуправления, профессиональных сообществ. Но лишь при условии, что они взаимодействуют, осознают и презентуют себя как единое целое, формализуют каким-то образом свою позицию по городским вопросам, реализуют свое право на осмысление и конструирование города.

Здесь обретает особую значимость **полисубъектность жителей города**. В нем есть свои смыслы и значения для каждой возрастной, профессиональной, субкультурной группы, для жителей центра и окраин, старожилов и приезжих, и все они организуются вокруг общего предметного пространства. Говоря о значительной анонимности и разобщенности жителей больших городов, стоит помнить, что сложность и вариативность жизни в мегаполисе, его политекстуальность является фактором формирования социального субъекта и субъект-субъектного взаимодействия. При этом множественные социальные роли горожанина связаны прежде всего с контекстом конкретных пространств (пассажир, покупатель, потребитель, посетитель) и перемещением внутри

этих пространств, а субъектные позиции внеситуативны и устойчивы.

Уместно было бы разграничить два аспекта преемственности субъекта в дискурсе города: 1) градостроительная эволюция, обеспечивающая узнаваемый характер, уникальность, преемственность города на разных исторических этапах; 2) эволюция городских сообществ, их устойчивые социально-экономические и культурные запросы, тенденции мироотношения, готовность воспринимать и действовать определенным образом в контексте актуальных событий.

В контексте городской антропологии, изучающей городские сообщества, городское родство, взаимодействие социальных групп, социальные аспекты жизни человека в городе, «визуальная летопись города» – все это есть летопись пути развития города как социального субъекта, от базовых древнеримских концептов *genius loci* до современных технологии дизайн-кодирования и цифровых представительств.

Маркировка городского пространства, его смысловое и функциональное зонирование представляют собой динамичное, разворачивающееся в социальном пространстве-времени самосознание личности, ее систему представлений о своем прошлом, настоящем и будущем, эсхатологические и экзистенциальные переживания. Масштаб процессов, которые происходят в когнитивном пространстве, маркируемом как «город», определяется уровнем познавательной активности, готовностью и способностью индивидов и групп, вовлеченных в дискурс города, воспроизводить смыслы городского текста.

Дискурсивно-контекстуальные составляющие города-текста: сфера интерпретации

Чтение городского текста представляет собой дискурсивный (когнитивно-коммуникативный процесс), в котором особую значимость имеют понимание и толкование знака, ее сложность может быть обусловлена неоднозначностью или множественностью интерпретаций. На интерпретацию оказывают влияние особенности объектной и субъектной сфер городского текста.

Субъект взаимодействует с городскими объектами в контексте сложившихся социально-культурных практик,

которые также закреплены в городской повседневности, представлены в средствах массовой информации и интернет-среде.

На уровне индивидуальной субъектности город может прочитываться жителем этого города как «место, где прошло детство и юность», «где жили предки», пространство, история и современность которого имеет личностное значение и раскрывается как личностно-значимая история. Эта история включает выдающихся людей и связанные с ними знаковые пространства и памятные места, нарратив, опосредованный уникальным набором знаков (каждый большой и малый город уникален) и воплощенный в сознании горожанина. Однако совсем иначе прочитывает город турист или трудовой мигрант: город может вызывать разные (позитивные или негативные) эмоции, но с ним не сопряжена личная история, разве что фрагменты городского текста на уровне сравнений и ассоциаций могут актуализировать у субъекта определенные воспоминания, связанные с другими местами (например, рис. 2).

Кроме предметной и культурной ценности, они имеют еще и ценность интерпретационного ключа к восприятию города. При этом язык в совокупности знаков и их значений представляет диапазон общественно-социальных процессов и явлений, а речь является индивидуализированным, локальным применением языка, и в совокупности они необходимы именно для создания текстов, гипертекстов и макротекстов, при котором нередко имеет место наложение знаковых структур (рис. 3).

Город-текст как система

Мы можем описывать город-текст как целостную систему, так как он обладает ее свойствами: целостностью, функциональностью элементов и динамикой. Подобно тому как письменность является формой коллективной памяти, закреплением опыта в символической речевой и образной форме, город становится формой памяти и формирует целостность как текст, адресованный одновременно личному, групповому и массовому сознанию, содержащий сведения обо всех сторонах жизни. В нем закреплены важные события прошлого, ключевые послания выдающихся личностей и коды, необходимые для осмысления микро- и макрособытий. Сферы многомерной текстовой системы города выполняют определенные функции; с изменением формы или содержания этих сфер трансформируется и текстовая система города. Текст города динамичен, трансформации и гетерогенность обеспечивают устойчивость города-текста как системы.

Когнитивно-коммуникативная система городского дискурса интегрирует описанные нами сферы урбанистического текста (объектную, субъектную и интерпретативную) и приобретает черты саморазвивающейся системы. Каким образом это происходит?

– Городская жизнь предполагает высокую плотность событий, в том числе специально созданных и тиражированных СМИ. Эти события «обрастают» интерпретациями: перед субъектом разворачивается широкий диапазон готовых смыслов.

– Публичные пространства в городе предметны и предполагают конкретные способы действия и паттерны поведения; приватные пространства нейтральны, их значение субъект должен сконструировать для себя самостоятельно.

– Городское пространство требует, с одной стороны, осознанности, целенаправленного, сосредоточенного всматривания, осознанного восприятия, с другой стороны, среда города подчас агрессивна и возникает необходимость отстранения, прекращения коммуникации.

– У социального субъекта периодически возникает запрос на текстуализацию себя и своего опыта в городском пространстве.

– Городской текст допускает разнообразные трактовки: актуальное и ретроспективное видение, эмоциональную творческую интерпретацию, управленческую и научно-исследовательскую.

Текст города является трихотомной моделью, разворачивающейся в направлении трех векторов: 1) во временной протяженности (культурно-историческая динамика городского текста), 2) ситуативной (многомерность городского текста) и 3) интегральной (самоидентификация).

С одной стороны, город является объективно существующим гибридным объектом: это социально-природный организм, символическое пространство, промышленно-экономический актор. Взаимообусловленность города и техники как социокультурных проектов, реализация в его знаковых системах природного, социального, духовного, интеграция всех видов совместной деятельности людей позволяет рассматривать семиосферу города как особый символический конструкт.

С другой стороны, подобно литературному или мифологическому персонажу, политекстуальный город существует как узнаваемая, устойчивая квазиличность со своими уникальными характеристиками. Они реализуются в виде материальных объектов, имеющих пространственное, визуально-кинестетическое измерение, и в виде обобщенных, схематизированных образов, нарративов, локальных мифов, объединенных в образе гения места. Неслучайно город, оставаясь политекстуальным, в той или иной степени может стать репрезентацией моносимвола, то есть текста, состоящего из единственного символа, например, Венеция (город-государство, Новый Вавилон), Ватикан (наместничество Папы Римского), Санкт-Петербург (монархическая власть), Стамбул (символ столичности, единства Европы и Азии).

Социально-пространственный концепт города-текста – это продукт рефлексии субъектов, вовлекаемых в дискурс города из его внешней или внутренней среды. В этом «продукте» прагматические составляющие (профессиональное, социальное) и эстетические (эргономика и дизайн) неконгруэнтны. Особенно это показательно на примере символического центра города.

От текста к политексту

Таким образом, текст города многосоставен. Это текст-полилог (политекст), включающий конструирование, фиксацию, интерпретацию социально значимых смыслов и обмен этими смыслами. Политекстуальность городского дискурса обусловлена не столько тем, что его смысловая структура включает субтексты (объектная, субъектная, интерпретативная сферы), сколько тем, что каждая из этих сфер многосоставна, разнородна, гетерогенна.

^ Рис. 3. Наложение знаковых структур (вид на Москва-Сити)

Город представляет собой политекстуальный нарратив, закрепленный в ландшафте, климате, традициях, поощряемых способах поведения и направленный на поддержание субъектной преемственности. Когнитивно-коммуникативная система города как политекста интегрирует эти дискурсивные сферы и является системой, объединяющей в себе культурно-историческую динамику, ситуативный и личностный контексты. Город-политекст как системное образование обладает всеми признаками системы. Он синкретичен, постоянно развивается, каждый его элемент выполняет специфическую функцию и формирует несколько связанных друг с другом платформ: 1) транслируются и трансформируются смыслы; 2) развиваются публичные и приватные пространства; 3) создаются и изменяются условия социально-коммуникативной перцепции и механизмы управления коммуникацией; 4) текстуализируется опыт социального субъекта; 5) разворачиваются творческие, исследовательские и управленческие интерпретации.

«Проблема текста», состоящая в условиях и барьерах выхода понятия за пределы лингвистической науки, была решена в работе «Проблема текста: между эпистемологией и лингвистикой» [4]. Но понятие «политекста» до сих пор остается в пределах лингвистики, где, впрочем, употребляется достаточно редко и объясняется как свойство «мультимодального контента» [5, с. 21]. Применительно к городским исследованиям мы употребили понятие политекста впервые; тем не менее, можно обнаружить множественные параллели между нашими выводами и результатами исследований отечественных и зарубежных авторов.

Концепт города-политекста в нашем исследовании обосновывался посредством раскрытия политекстуальной природы трех сфер городского дискурса: объектной, субъектной и интерпретативной.

Так, объектная реальность городского политекста описывается в урбанистической науке как среда, которую общество формирует для организации жизни и деятельности. Средовой подход к изучению города акцентирует представленность социальной структуры в материальной структуре города [6, с. 181], ее зонирование и структурирование, отвечающее запросам социальной мобильности в городе [7, с. 31–44].

Маркеры политекстуальности в городском пространстве формируются в процессе взаимодействия субъектов городской среды для классификации явления и регулирования активности, именно поэтому городские сооружения в той или иной степени являются и символическими идентификаторами. Символическая и прагматическая функция городского объекта не всегда созвучны, поэтому условно маркеры в городском пространстве описываются как преимущественно декоративные, функциональные или же универсальные.

В традиции отечественных гуманитарных исследований центральное значение имеет культурно-историческая концепция Л. С. Выготского, в которой **«язык, число и письмо» фиксируют и формируют субъектности личности**. В работе «Мышление и речь» Выготский подчеркивал, что, подобно тому как усвоение иностранного языка опирается на сформированную систему слов и их значений в родном языке, так и усвоение новой, прежде неизвестной знаковой системы происходит через их соотнесение с усвоенными системами знаков [8]. Расширение репертуара доступных знаковых систем достигается не перцептивным путем, не через вещественный мир, а при помощи мыслительных процессов. Дальнейшее развитие эта идея получила и в теории функциональных систем П. К. Анохина, в соответствии с которой активность субъекта в социальной среде получает положительную или отрицательную обратную связь,

что формирует поведение и объединяет субъект и объект поведенческого акта в единую систему.

В данном контексте субъектность имеет отношение не только к жителям, но и к исследователям города. Поскольку частью интерпретационного аппарата является мировоззрение и личностная позиция исследователя, его миропонимание и мироотношение, то образуется некий «зеркальный коридор взаимообусловленностей», в котором субъект и объект сливаются в единое смысловое поле [9].

Наибольшее внимание ученых привлекает интерпретативная сфера дискурса города. Объекты и субъекты городского политекста многомерны и существуют только во взаимозависимости, поэтому «город-музей», «город прошлого» фактически существует лишь когда становится объектом изучения, интерпретации современников. Тогда как концепт «города будущего» возникает как объект научного или художественного творчества, как концепт социального будущего, опосредованный прошлым опытом, как «гипотеза города» [10].

Коммуникация обеспечивает конструирование самого города в качестве знаково-символической системы и воспроизведение, перцепцию, индивидуальное понимание городского текста: «Даже там, где говорят о естественности и непосредственности, имеют дело с культурой, конвенцией, системой, кодом и, следовательно, в конечном счете – с идеологией. Семиология и тут стоит на своем, потому что свои задачи она понимает как перевод природного в общественное и культурное» [3, с. 208]. Поливалентные символы, представленные в пространстве в виде памятников, топонимических и рекламных экстерьерных изображений, составляют городские смыслы и основу локальной (городской) идентичности. При этом контекст может акцентировать или менять смысл таких символов в зависимости от дискурса эпохи; следовательно, изучение городских символов требует реконструкции нарратива или восстановления диапазона смыслов, контекстов.

Все три сферы политекста города, будучи интегрированы друг в друга, формируют единую полимодальную текстовую систему города. Условно неизменные знаки города (его пространственное положение, географический рельеф, культурный ландшафт с соответствующими топонимами) – на самом деле обобщенные, схематизированные представления, модель мира, центрированная по отношению к символическому центру города.

Вербальная составляющая городского текста обеспечивает его логическую связанность, а семиотическая – организует образно-действенное освоение социальной реальности. Так, например, указывается, что создание выставочных и музейных экспозиций предполагает высокую детализацию, фиксацию основных этапов истории о городе. Технологии нейминга, брендинга и дизайн-кодирования используют отдельные фрагменты в случайном, не связанном друг с другом порядке [11].

Наиболее развернуто роль визуальных и речевых модусов знака в неоднородном коммуникативном пространстве (семиосфере) представлена в исследованиях Ю. Лотмана. Согласно им у каждого субъекта есть уникальный набор значений (идиолект), закрепленных за кодами, поэтому сам по себе знак содержит не только номинальный знак, но и историю его создания. Семиозис города не замыкает субъект действия и познания на локальных значениях. Поэтому становится возможным присвоение научного и культурного опыта, а также создание прорывных творческих концепций: знаковая система города меняется с развитием человечества, следуя за общественными переменами. Следует отметить, что содержание знаков и их систем в интерпретации города, в формировании той или иной его концепции

неразрывно связано с общекультурной тенденцией, в том числе и с тем или иным исследовательским трендом (модерн, постмодерн, метамодерн) [12].

В более широком смысле все процессы, свойства и состояния, составляющие социокультурное пространство, являются текстами, для сознания они выступают в качестве порождающих смысловых моделей и сливаются в единое смысловое поле [9].

Ю. Лотман, характеризуя семиосферу, подчеркивает, что посредником между разными сферами (уровнями) семиозиса является символ, объединяющий разноуровневые принципы знаковости, а также осуществляющий трансфер между семиотической и «обыденной реальностью», в том числе между знаковым строем текста и символическим строем культуры [13, с. 249].

Протяженность города как во внешнем, ландшафтном пространстве, так и во внутреннем (в городских коммеморациях, дизайн-коде, рекламе, произведениях изобразительного искусства, литературе) позволяет интегрировать коды разного порядка в единый макротекст, осуществлять межкультурные и социальные переводы.

Городской текст является комплексным, мультисенсорным эталоном, который применяется человеком по отношению к самому себе, другим, обществу и миру. В соответствии со своим опытом и запросами каждый городской житель создает собственную карту города, подобно тому как каждый носитель языка создает на протяжении всей жизни собственную его речевую модификацию [14].

Таким образом, город представляет многосферную политекстуальную систему, которая включает составляющие (сферы): объектную, субъектную, интерпретивно-интеракционную и коммуникативную. В рамках когнитивно-коммуникативной модели городского дискурса политекст города может быть описан как смысловая целостность, функционирующая за счет широкого диапазона коммуникативных взаимодействий. *Функционально политекст* города предназначен для формирования и поддержания особой социальной субъектности, так как интегрирует форму регулирования познания и деятельности (объектная сфера), область самоосознания и реализации социальной идентичности (субъектная сфера), способы объяснения смыслов и значений (интерпретативная сфера).

Представленная нами модель города является одним из кластеров системного теоретического осмысления субъектности горожан как основного фактора восприятия и преобразования городских дискурсов и пространств. Ранее сформированные кластеры такой работы были сопряжены с изучением локальной и городской идентичности, концепта глобального города, а также с разработкой проектов эпистемологической и дискурсивной урбанистики. Результаты этих исследований были обобщены в публикациях автора: «Городская идентичность в эпоху цифровизации и посттруда» (2021), «Национально-региональные ценности и локальная идентичность» (2021), «“Право на свой город”: проект эпистемологической урбанистики» (2022), «Городские исследования в России: эстафета социальностей» (2024). В ближайшей перспективе – инструментализация концепта города-политекста для решения прикладных задач развития полимодальных урбанистических пространств, где непохожие друг на друга люди и многообразные сообщества смогут по-разному реализовать свою субъектность и творческий потенциал.

Литература

1. Савченко, И. А., Тадевосян, Т. В., Барсегян, С. С. Метанарратив и фразовый режим в дискурсе армянского города // *Язык и культура*. – 2024. – № 65. – С. 28–54.
2. Duncan, J. S. *The City as Text. The Politics of Landscape Interpretation in the Kandyan Kingdom*. – Cambridge University Press, 1990. – 243 p.
3. Эко, У. *Отсутствующая структура*. – Санкт-Петербург : Symposium, 2006. – 538 с.
4. Касавин, И. Т. Проблема текста: между эпистемологией и лингвистикой // *Эпистемология и философия науки*. – 2006. – Т. 8. – № 2. – С. 34–57.
5. Мурейко, Л. В., Шипунова, О. Д. Проблема трансформации языка медиа: функционально-структурный анализ // *Научное мнение*. – 2022. – № 12. – С. 17–23.
6. Глазачев, В. Л. *Культурный потенциал городской среды: дис. ... доктора искусствоведения*. – Москва : Академия наук СССР, 1991. – 274 с.
7. Коган, Л. Б. *Быть горожанами*. – Москва : Мысль, 1990. – 205 с.
8. Выготский, Л. С. *Мышление и речь*. – Москва : Лабиринт, 1999. – 350 с.
9. Карнеев, Р. Р. Проект реконцептуализации субъекта: незавершенная сборка // *Концепт: философия, религия, культура*. – 2022. – Т. 6. – № 1 (21). – С. 7–19.
10. Савченко, И. А. Текстология города будущего: ретрофутуризм как алгоритм // *Проект Байкал*. – 2024. – № 80. – С. 102–107. <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/80.2339>
11. Fachun, Ch., Leontovich, O. A. A tale of two cities: historical narratives in the Russian and Chinese urban landscapes // *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. – 2020. – Vol. 19. – No. 2. – P. 78–85.
12. Козлова, Ю. Статус знания в парадигмах исследования города // *Проект Байкал*. – 2023. – № 78. – С. 46–50.
13. Лотман, Ю. М. *Семиосфера*. – Санкт-Петербург : Искусство-СПб. – 2000. – 704с. <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/78.2232>
14. Савченко, И. А., Козлова, Ю. В. Речевые практики в дискурсе цифрового города: «пересборка» иноязычного образования // *Вестник Томского государственного университета*. – 2023. – № 496. – С. 33–43.

References

- Duncan, J. S. (1990). *The City as Text. The Politics of Landscape Interpretation in the Kandyan Kingdom*. Cambridge University Press.
- Eco, U. (2006). *The Absent Structure*. St. Petersburg: Symposium.
- Fachun, Ch., & Leontovich, O. A. (2020). A tale of two cities: historical narratives in the Russian and Chinese urban landscapes. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 19(2), 78–85.
- Glazachev, V. L. (1991). *Kulturnyi potentsial gorodskoi sredy [Cultural potential of the urban environment]* [Art history doctoral dissertation]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR.
- Karneev, R. R. (2022). The project of the reconceptualization of the subject: Incomplete assembly. *Concept: philosophy, religion, culture*, 6(1), 7–19.
- Kasavin, I. T. (2006). Problema teksta: mezhdu epistemologii i lingvistiki [The problem of text: Between epistemology and linguistics]. *Epistemology and Philosophy of Science*, 8(2), 34–57.
- Kogan, L. B. (1990). *Byt gorozhanami [To be citizens]*. Moscow: Mysl.
- Kozlova, Y. (2023). The knowledge status in the paradigms of urban studies. *Project Baikal*, 20(78), 46–50. <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/78.2232>
- Lotman, Y. M. (2000). *Semiosphere*. St. Petersburg: Art-SPB.
- Mureyko, L. V., & Shipunova, O. D. (2022). Media language transformation: The functional and structural approach. *The Scientific Opinion*, 12, 17–23.
- Savchenko, I. A. (2024). Textual history of the future city: Retrofuturism as an algorithm. *Project Baikal*, 21(80), 102–107. <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/80.2339>
- Savchenko, I. A., & Kozlova, Y. V. (2023). Speech practice in the digital city discourse: Reassembling the foreign language education. *Tomsk State University journal*, 496, 33–43.
- Savchenko, I. A., Tadevosyan, T. V., & Barsheghyan, S. S. (2024). Metanarrative and phrasal mode in the discourse of the Armenian city. *Language and Culture*, 65, 28–54.
- Vygotsky, L. S. (1999). *Myshlenie i rech [Thinking and speech]*. Moscow: Labyrinth.